

Н.В. Бугаева

К вопросу о притязаниях Цицерона на божественность

Творчество Цицерона позволяет проследить эволюцию взглядов великого оратора на обожествление смертных, благодаря чему его самооценка после подавления заговора Катилины предстает в новом свете. Высказываемые в период 63-57 гг. до н. э. идеи являются закономерным продолжением ранних мыслей Цицерона. Это убедительно показал Сп. Коул, который, помимо прочего, отметил, что М. Туллий неоднократно сталкивался с греческой практикой воздавать людям божественные почести (в том числе римлянам – Фламинину, Марцеллу и Верресу)¹.

Важным этапом в развитии взглядов Цицерона является речь «За закон Манилия», через которую красной нитью проходит тема исключительности личности Помпея с намеком на его сверхъестественную природу (Cic. *Pro leg. Man.* 48; 13; 41). Примечательно, что милость богов к конкретному человеку оказывается неразрывно связана с благополучием коллектива (*Ibid.* 45; 42; 47; ср.: Cic. *Pro Rosc. Amer.* 136). Из обладателей этого особого счастья названы спасители Рима Фабий Максим, Марцелл, Сципион Старший и Марий (Cic. *Pro leg. Man.* 47). Круг «благословенных свыше» расширяется в консульских речах первой пол. 63 г. до н. э. - «Об аграрном законе» (Cic. *Pro lege agr.* II. 90; 95) и «За Рабирия»², где причастность «мудрейших и храбрейших» мужей (Cic. *Pro Rab. perd.* 30) божественному началу не столь жестко сопряжена с военной славой и победой над внешним врагом.

В Третьей Катилинарии великий оратор провозглашает: «Если скажу, что это я встал на их (злодеев-заговорщиков — Н. Б.) пути, припишу себе чересчур много и, вероятно, мои притязания следует счесть нестерпимыми. Это он, Юпитер, преградил им путь, он захотел, чтобы был спасен Капитолий, эти храмы, весь город, все вы. Я же, под водительством бессмертных богов, возымел данное намерение, устремился к этой цели, добыл столь важные доказательства (*dis ego immortalibus ducibus hanc mentem voluntatemque suscepi atque ad haec tanta indicia perveni*)» (*Ibid.* 22). В чем заключалось водительство бессмертных, дает представление речь за П. Суллу (Cic. *Pro Sulla.* 40-43), произнесенная в середине 62 г. до н. э. По мысли Цицерона, действие разворачивается в двух планах - божественном

¹ Cole Sp. Cicero and the rise of deification at Rome. Cambridge, 2013. P. 17-20. См. e.g.: Cic. *Pro Mil.* 80; *De nat. deor.* III. 49.

² См. мнение Е.М. Штаерман, считавшей подобные идеи связанными с пришедшей из Греции концепцией бессмертия души и героизации умерших (Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1986. С. 51).

и обусловленном им земном, из-за чего четкое разграничение невозможно. Прав Сп. Коул, указывая на постоянное балансирование заслуги спасения Рима между консулом и Юпитером³.

Декларируемое спасение Рима от гибели дало «новому человеку» возможность проводить смелые параллели. В Третьей Катилинарии он ни много ни мало сравнит себя с Ромулом, пожалуй, отдавая себе приоритет (Cic. *Cat. III. 2*). Основатель Города удостоился обожествления, покинув мир людей; М. Туллий стремится пожать пожизненные плоды. А потом? Можно согласиться с точкой зрения, что в Катилинариях задействуются аллюзии на фигуру божественного спасителя, не чуждую античному Средиземноморью⁴. Тринадцатью годами раньше предметом осмеяния Цицерона стала увиденная в Сиракузах надпись, где Веррес назван не только патроном острова, но и сотером (Cic. *In Verr. II. 154*). Оратор разъяснял землякам, что данное понятие «столь велико, что не может быть выражено по-латыни одним словом. Безусловно, сотер – это тот, кто спас (Ita magnum ut Latine uno verbo exprimi non possit. Is est nimirum soter qui salutem dedit)» (Ibid.). Именно так позиционирует себя Цицерон, чья аргументация разворачивается по двум фронтам.

Он сравнивает заговор Катилины с боевыми действиями (Cic. *Cat. III. 25*), получая возможность применить уже опробованные в речи «За закон Манилия» лексические средства и претендовать на соответствующую благодарность. С другой стороны, Цицерон противопоставляет события, поскольку вождь не снимал тогу и одержал гораздо более важную победу: расширение границ, пусть до неба, многократ уступает спасению сердца державы (Ibid. 26; ср.: 15; Plut. *Cic. 22*). Много лет спустя М. Туллий выскажется предельно ясно: «Ведь ни в чем человеческая доблесть не приближается так близко к божественному мановению, как или в основании новых государств, или в сохранении уже основанных (neque enim est ulla res in qua propius ad deorum numen virtus accedat humana, quam civitatis aut condere novas aut conservare iam conditas)» (Cic. *De rep. I. 12*). Подобная концепция даже позволит ему повторно провозгласить себя спасителем государства за недеяние – уход в ссылку (Cic. *De domo sua. 98-99*).

При всем патологическом (по выражению А.И. Немировского⁵) честолюбии Цицерона было бы, тем не менее, преувеличением считать, что он пытался совершенно оттеснить Ромула. Да, М. Туллий претендует на славу нового основателя - только *четвертого* по счету. Город остался

³ Cole Sp. Op. cit. P. 57.

⁴ Cole Sp. Op. cit. P. 56.

⁵ Немировский А.И. Рождение Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 201.

ромуловым, будучи спасенным Камиллом и Марием. Цицерон намекал на желательность своего статуса как *deus praesens* с последующим апофеозом. Эту гипотезу подкрепляет обращение к личности Ромула в более поздних философских трактатах. Там автор прилагает усилия, чтобы «идти в кильватере» первого царя, который (наряду со Сципионом) служил излюбленной моделью для вознесения к богам (Cic. *De rep.* VI. 24; *Tusc. Disp.* I. 28; *Parad.* I. 11; ср.: *De rep.* II. 17-20; *De nat. deor.* II. 62).

Таким образом сочинения Цицерона за 63-57 гг. до н. э. рисуют яркую картину, насколько глубоко идея божественного правителя пустила корни в Позднюю республику, затронув не только победоносных полководцев, но и, казалось бы, столь далеких от авторитарных устремлений политических деятелей, как «арпинский Ромул».